

58
59
Евгений Коковин.

ВОЖАК САНИТАРНОЙ УПРЯЖКИ

ВОЖАК САНИТАРНОЙ УПРЯЖКИ

Глава первая

Во дворе большого дома

Двор у этого дома самый просторный и самый весёлый во всём городе. И, конечно, нигде не собирается на игры так много ребят. Ни в одном дворе не найти такой большой площадки для лапты, таких укромных местечек в дебрях дровяных сараев и поленниц. А старый заброшенный, поросший мхом погреб даже в солнечные дни таит в своём полумраке что-то загадочно-незнакомое.

Разве есть ещё где-нибудь такая замечательная, настоящая корабельная шлюпка, какой владеют ребята из этого дома? Много лет шлюпка лежит во дворе и не спускается на воду. Солнце так высушило её, что на крутых ступенчатых бортах появились щели. Но это не мешает ребятам ежедневно отправляться на шлюпке в далёкое плавание и принимать морские сражения с фашистскими пиратами...

Когда во дворе появляется почтальон, ребята окружают его.

– Игорю письмо принесли?

– Пишут, — шутливо отвечает почтальон. Но иногда почтальон, лукаво улыбнувшись, достаёт из сумки вместе с газетами знакомый треугольник и говорит торжественно:

– Товарищу Игорю Жигалову, с фронта...

Письмо, действительно, с фронта, от рядового Анисимова. Ребята знают, что в письме написано о том, как поживает их воспитанник Малыш — военная ездовая собака.

Таких писем у Игоря накопилось много.

За несколько месяцев до начала войны передали Малыша как подарок, в воинское подразделение служебных собак.

Жители дома, должно быть, помнят тот ясный осенний день, когда во дворе появился Малыш. Солнце играло в облаках в прятки. Ветер был слабый, и попытки ребят запустить коробчатый змей оказались безуспешными.

Когда змей потерпел аварию, разбившись о крышу сарая, и всякий интерес к нему у ребят пропал, во дворе появился Игорь Жигалов.

Только тогда ребята вспомнили, что Игоря целый день не было во дворе. Где он пропал, никто не знал.

Может быть, появление Игоря не вызвало бы особенного оживления, но он был не один. На обрывке толстой бечёвки Игорь тащил за собой собаку. Собственно, это была не взрослая собака, а большой щенок, неуклюжий, густошёрстный, с острыми беспокойными ушами.

Мальчуган немало потрудился, прежде чем ему удалось втащить щенка во двор. Щенок упирался, скулил и недоумевающе смотрел на ребят испуганными воспалёнными глазами. Щенок дрожал, хотя было совсем тепло.

Лапта, шлюпка, змей — всё было забыто. Ребята окружили Игоря.

– Где ты взял?

– Как её зовут?

– Что ты будешь с ней делать?

– Ой, какая хорошенькая собачка! Она не кусается?

Игорь не отвечал на вопросы. Вид у него был серьёзный. Может быть, став владельцем собаки, он загордился. Но, вероятнее всего, его беспокоила мысль: как отнесутся к его затее родители?

К ребятам подошёл квартирант со второго этаж инженер Гусев — заядлый охотник и рыболов.

– Лайка, — сказал он, с первого взгляда определив породу. — Не совсем чистокровная, но на медведя пойдёт...

Гусев пощупал у щенка лапы, заглянул в глаза, зажав его голову обеими руками, потом приложил палец к мокрым ноздрям животного.

– Нюх великолепный. Только горячим не кормите, обожжётся и потеряет.

Ребята ликовали. В доме жили кошки. Боря Смирнов держал на чердаке тройку домашних голубей. В квартире у Ивановских в клетке с утра до вечера свистел и щёлкал лесной косоклювый клёст. Бабушка Дарья ежедневно выпускала во двор рябую крикливую курицу.

Но во всём доме не было ни одной собаки. Прошло три года, как издох Дружок — старый-престарый пёс, верный сторож дома и постоянный спутник ребят во всех прогулках и играх.

У инженера Гусева была легавая Пальма, но во дворе её видели всего два раза. Инженер боялся, что его собаку избалуют, и потому Пальма жила где-то в другом месте.

Теперь во дворе будет жить собака, настоящая лайка. Её можно научить «служить», то есть стоять на задних лапах, открывать двери и носить в зубах вещи. И она будет охранять дом.

Но опасения Игоря оказались не напрасными.

Взрослые в доме сразу же поняли, что ребята что-то затеяли. Обычный шум — крики, беготня и плач — неожиданно во дворе утих, и это удивило взрослых. После инженера Гусева к ребятам подошла Анна Петровна и, конечно, ужаснулась. Боже мой, во дворе появилась собака! И чего только не придумают эти озорники. Она не потерпит такого безобразия! Теперь её Мурке не будет покоя. Она немедленно пожалуется матери Игоря.

– Тётя Аня, она не тронет вашу Мурку, — уговаривал Игорь, — правда, не тронет!

Небо сплошь обложило тучами, и пошёл дождь. А ребята не хотели расходиться.

Игорь почувствовал, что ему одному не отстоять права держать во дворе собаку. Тогда он рассказал ребятам, как нашёл щенка, и сообщил кличку.

Щенка звали Малыш. Он был большой, тяжёлый, и кличка совсем не подходила к нему.

– Знаете ли вы, для чего нам нужен Малыш? — торжественно спросил Игорь.

Ребята молчали.

– Мы его выучим и подарим Красной Армии. Малыш будет охранять границу и разносить почту, — продолжал Игорь.

Это было здорово придумано!

– Разносить почту! — повторил Игорь, видя, что ребята восхищены.

– Как почтальон? — робко спросила дошкольница Олечка.

– Ты ничего не понимаешь, — строго сказал Игорь. — Не как почтальон, а совсем другое. Малыш будет связным.

– Связным! — повторили все ребята новое слово.

– Обо всём этом надо рассказать дома, тогда Малыш останется, и мы будем его учить.

Вечером дошкольница Олечка разговаривала со своей матерью — Анной Петровной.

– Мама, Малыша надо оставить, потому что он будет связным. Ну, как почтальон, или нет-нет. Это совсем другое.

– Не выдумывайте!

– Мы его красноармейцам подарим!

– Всё равно кому, — не поняла Анна Петровна, — лишь бы во дворе не было.

– А сначала его надо выучить.

– Не выдумывайте!

– Мы должны подарить, тогда все увидят, как мы взаправду любим Красную Армию. Неужели ты не понимаешь, мама?

Подобные разговоры происходили в тот вечер во всех квартирах большого дома.

Весь следующий день ребята были заняты постройкой жилища для Малыша. А пока щенок сидел в сарае, старательно укрытый от глаз взрослых.

Впрочем, о Малыше уже все знали. Он громко скулил, видимо, желая выбраться на свободу. То и дело к сараю подходил кто-нибудь из мальчиков и шептал в щёлку:

– Ничего, потерпи немножечко...

Вышла Анна Петровна и, к великому удивлению и восторгу ребят, сказала:

– И чего вы его мучаете! Выпустите! Пусть он поиграет на воле.

Так Малыш получил право на свободное жительство во дворе.

Глава вторая

Первые приключения

Для Малыша наступили чудеснейшие дни. За всю свою, правда, ещё короткую жизнь он не имел столько благ одновременно: свободы, внимания людей, обилия пищи и питья.

Прежде чем попасть во двор дома номер двадцать четыре, Малыш побывал у троих хозяев. Его рано оторвали от матери — ненецкой лайки, которую он вскоре забыл.

Некоторое время он жил у одного колхозника, недалеко от города. Малышу была предоставлена полная свобода. Целыми днями он гонялся по тракту за проходящими автомашинами или лаял на старого добродушного Полкана, изредка вылезавшего из своей будки. Полкан относился к щенку снисходительно, как и подобает старшему, и никогда не обижал его. На ночь они вместе устраивались в конуре, и Малышу было очень тепло и удобно спать под боком старого добряка.

Впрочем, Полкан не всегда был добродушным. Иногда по ночам он стремительно выскакивал из конуры и, гремя цепью, нёсся к забору. Лаял он редко, когда это, видимо, было крайней необходимостью. Чаще Малыш слышал сквозь сон его рычанье.

Неизвестно, что сулила Малышу будущая жизнь в колхозе. Может быть, хозяин надеялся, что молодой пёс заменит впоследствии Полкана.

Но однажды Малыш непростительно провинился. Он погнался за цыплёнком и, играя, задушил его. Хозяйка страшно рассердилась и больно ударила Малыша коромыслом. Малыш ускользнул от второго удара и, перепугавшись, забился в конуру к Полкану.

Два часа просидел он в этом убежище, не понимая по глупости своей вины.

Но потом хозяйка тем же коромыслом заставила его выбраться из конуры. Однако она не стала Малыша бить, а затащила в избу. Спустя несколько минут Малыш, сидя в тесной и очень неудобной корзинке для овощей, совершал путешествие в город.

Новую хозяйку звали Раечкой. Это была молодая женщина лет двадцати пяти. Она называла Малыша бесчисленными ласкательными именами, кормила его до отвала пряниками и не выпускала из комнаты. Вначале это нравилось Малышу, но скоро двадцатиметровая комната, перегруженная мебелью и цветочными горшками, надоела ему.

Родители Малыша были вольнолюбивые, сильные собаки Севера. Они никогда не жили в комнатах и не чувствовали на себе чрезмерной опеки человека. Должно быть, любовь к свободе, к тундровым просторам, к необъятности неба и заставила скучать Малыша.

Ему удалось выбраться на улицу. Конечно, вволю набегавшись, он сам возвратился бы в комнату. Но Раечка насильно унесла его домой.

После улицы комната показалась Малышу особенно невыносимой и душной. Теперь он беспрестанно скулил и царапал дверь, предусмотрительно закрытую Раечкой на задвижку.

На ласки хозяйки он озлоблялся и, подражая Полкану, ворчал. Это пугало Раечку. У Малыша были крепкие зубы, да и сам он за последнее время значительно подрос и перестал быть беспомощным щенком.

Однако его молодость и неопытность проглядывали во всём. Раечке ничего не стоило обмануть его, заманить в дальний угол и потом поспешно выскочить за дверь. Малыш бросался к двери, яростно бил в неё лапами, но всё было напрасно.

Однажды ему посчастливилось. Почтальон принёс телеграмму. Пока Раечка расписывалась в толстой книге, Малыш воспользовался тем, что дверь осталась незапертой. Два прыжка — и он оказался за дверью.

Опрометью бросился он бежать по улице и даже не слышал, как тщетно звала его огорчённая до слёз Раечка.

Свобода! Городской шум немного пугал Малыша. Но ощущение того, что ему можно бежать куда угодно, вызвало в нём величайший восторг.

Освоившись с городской сутолокой, Малыш принялся гоняться за машинами, потом попытался заигрывать с большой гладкошёрстной собакой, но тут же получил отпор.

Но больше всего ему нравилось небо, голубое, необъятное небо, которое было всюду — и вверху, и в конце длинной улицы, за крышей любого из домов. Именно небо давало ему ощущение неограниченной свободы.

Малышу нравилось мчаться по улице, заглядывать в незнакомые дворы, лаять и метаться из стороны в сторону.

Бросаясь на стаю воробьёв, Малыш не огорчился, когда они рассыпались у него из-под носа. Он делал это из озорства, развлекаясь переполохом среди испуганных птиц.

К вечеру Малыш утомился. Он не отказался бы от хорошей кости или от чашки овсяной каши. Пожалуй, он был не прочь теперь даже возвратиться в комнату, откуда самовольно бежал. Но найти дом после продолжительного блуждания по городу ему, конечно, не удалось.

Хотя родители Малыша не были комнатными собаками и очень любили свободу, всё же они жили с человеком, привыкли ему повиноваться и никогда не покидали его. Потому и Малыш, оставшись один среди притихшей, пустынной улицы, забеспокоился и загрустил.

Он заглянул в подворотню одного дома, но, встреченный ворчаньем враждебно настроенного сторожа-дворняги, поспешил удалиться.

Ничего не оставалось делать, как устроиться на ночлег прямо на улице. Он укрылся за выступом высокого крыльца и прилёг на деревянный тротуар. Крыльцо защищало его от ветра и, главное, от пыли, которую поднимал этот зловредный ветер.

Обманывать ветер Малыш научился давно, когда жил вместе со старым и мудрым Полканом. В то время, если не было дождя, он предпочитал отдыхать не в конуре, а у её стенки, с той стороны, где можно было оставаться неуязвимым для ветра.

Спал Малыш чутко, как и подобает порядочной собаке, но всё же не слышал, как к нему бесшумно из-за угла приблизился серый кудрявый комочек. Малыш проснулся от лёгкого толчка в нос. Перед ним сидела неказистая низкорослая собачонка.

Малыш вскочил, но заметив, что никакая опасность не угрожает, успокоился. Для знакомства он сам обнюхал собачонку и, убедившись в её добрых намерениях, приветливо взмахнул хвостом.

Незнакомка неторопливо побежала по тротуару, а Малыш, которому больше нечего было делать, увязался за ней.

Собачонку звали Авка. Она была по годам старушкой, но могла, не пригибаясь, проскочить между лапами Малыша.

Хозяин Авки без удивления отнёсся к появлению четвероногого гостя. Это был старик, служивший сторожем. Он никогда не спал ночью, а сидел

на крыльце магазина, курил трубку и вёл бесконечные разговоры с Авкой, обвиняя её в каком-то недомыслии. Он осмотрел у нового приятеля Авки зубы и сказал:

– Малыш ещё.

Эта кличка так и осталась за щенком. А ведь раньше у него не было клички. Раечка ежедневно придумывала для него десятки имён.

Малыш вместе с Авкой мог гулять где угодно и сколько ему нравилось. Зато едой его теперь не баловали.

Через неделю сторож променял Малыша случайно проходившему Игорю Жигалову за три ученические тетради и за книгу «Дети капитана Гранта». Оба были довольны сделкой — Игорь уже по известной нам причине, старик — потому, что собирался идти к своему внуку на день рождения.

Глава третья **Прощайте, ребята!**

Малыш стал любимцем жителей всего дома. Даже взрослые нередко ласкали его и угощали лакомствами.

Только инженер Гусев, проходя в свою квартиру, всегда хмурился при виде резвящейся с ребятами молодой собаки. Человек практичный и трудолюбивый, он считал, что животные должны приносить пользу, и потому не терпел среди собак уличных пустолаек и комнатных бездельников.

– Испортят пса, — с досадой говорил он. — Будет балбесом, ни на что не способным. А хорошая собака! Отличная. Жалко...

Между тем ребята обучили Малыша «служить» и танцевать, подавать лапу и приносить брошенные палки. Они даже запрягли его однажды в тележку. К всеобщему ликованию, Малыш потащил маленькую повозку по двору, но потом вырвался из верёвочной упряжки и впоследствии упорно отказывался от подобных затей.

Но лето заканчивалось, заканчивались и каникулы. Ребята отправились в школу, а самые маленькие почти не выходили во двор, потому что становилось холодно и часто лил дождь.

Целый месяц Малыш скучал. Правда, Игорь не забывал о нём. У Малыша не было недостатка в пище. Часто ему перепали и лакомства. Но Игорь подолгу был занят в школе, и отсутствие ребят крайне удивляло Малыша.

В семье Жигаловых частенько бывал знакомый старший лейтенант Горяев. Ему и рассказал Игорь о том, что хочет подарить Малыша красноармейцам.

Старший лейтенант обещал поговорить об этом в воинской части.

– Он умеет служить и подаёт лапу, — расхваливал достоинства своего питомца Игорь.

Горяев улыбался:

– Для служебной собаки это не нужно.

Перед Октябрьскими праздниками во двор пришёл незнакомый лейтенант в сопровождении красноармейца.

Был выходной день. Малыш очень радовался, что двор снова наполнился его друзьями. Он метался по двору за мячом и делал вид, что злится, тщетно пытаясь ухватить его зубами.

Весь двор был усыпан листвой тополей. После дождя земля отмякла, и бегать по ней было легко и приятно.

– Здравствуйте! — громко сказал лейтенант.

Ребята моментально окружили его. Обиженный невниманием, Малыш присел и равнодушно смотрел на незнакомых людей в военной форме.

– Ну, друзья, кто же хозяин собаки? — спросил лейтенант.

Игорь выступил вперёд.

Лейтенант объяснил, что явился за собакой.

– Сейчас мы, кстати, производим набор.

Видимо, лейтенанту приходилось часто иметь дело с собаками. Он смело взял Малыша за передние лапы, ощупал мускулы, потом раздвинул челюсти, осмотрел зубы, глаза и уши.

– Подойдёт, — спокойно сказал он, похлопав Малыша по спине.

Лейтенант зашёл в квартиру к Жигаловым и осведомился у отца Игоря, не протестует ли он против намерения сына.

– Если пожелаете, вам будет оплачено...

– Нет, нет, — возразил отец. — Это подарок от ребят всего дома. Вы только напишите, как будет поживать Малыш в новой обстановке.

Лейтенант поблагодарил, извинился и приложил руку к козырьку.

Малышу надели ошейник с поводком, и красноармеец повёл его за собой.

Даже взрослые вышли на улицу, чтобы пожелать Малышу счастливой жизни. А ребята толпой провожали своего любимца и прошли вместе с лейтенантом и красноармейцем несколько кварталов.

На прощанье лейтенант всем им пожал руки, а Игорю пообещал написать письмо.

Глава четвёртая

Новый хозяин

Товарный вагон был наполовину загружен ящиками, мешками и железными кроватями. В приоткрытую дверь с платформы пробивался свет от огромного фонаря. Ветер покачивал фонарь, и полоса света перемещалась из стороны в сторону.

Малыш сидел, привязанный к ножке кровати.

Когда паровоз рванул состав и пол чувствительно заколебался под лапами, Малыш взвизгнул и попытался выпрыгнуть на платформу. Но привязь удержала его.

Он жалобно заскулил, увидев, как мимо понеслись постройки, телеграфные столбы, кустарники.

Но удивительное дело! Красноармеец-вожатый не выразил ни малейшего волнения. Это успокоило Малыша. Он давно уже привык улавливать внутреннее состояние человека. Движение, голос и особенно взгляд — всё Малыш чувствовал очень остро, и это руководило его поступками.

Кроме Малыша, в вагоне было ещё три собаки.

Флегматичный эрдель даже глазом не моргнул, когда поезд тронулся. На других собак он не обращал ни малейшего внимания. Зато молодая овчарка, заметив Малыша, моментально вцепилась ему в бок.

Нападение было неожиданным. Малыш завизжал, отступил и приготовился к защите. Шерсть поднялась на нём, зубы ощерились. Неопытный, он выглядел смешным в воинственном пылу. Но вожатый не допустил драки, ударив ремнём обидчицу.

К третьему своему четвероногому спутнику Малыш сразу почувствовал явное расположение и симпатию. Это был чудесный пёс с ослепительно белой шерстью, со стоячими ушами и хвостом калачиком. Он отзывался на кличку Снежок, был приветлив и добродушен, хотя в глазах его сверкала какая-то хитринка.

Овчарка презрительно поглядывала и на Снежку, может быть, потому, что у него так легкомысленно закручивался в колечко пушистый хвост.

Едва Малыш успел освоиться с дорожной обстановкой, с толчками и покачиванием, как путешествие закончилось.

Вожатый вывел Малыша и Снежку одновременно и на станции передал их другому вожатому.

— Вот, Анисимов, твои новые питомцы! — сказал он.

Анисимов погладил собак и весело сказал:

— Кажется, добрые собаки. Ну, друзья, вперёд!

Собаки молча повиновались. Они впервые слышали и не понимали команду «вперёд», но почувствовали жест нового хозяина.

Идти пришлось километра два. Потом Анисимов провёл их через тускло освещённый коридор проходной будки, и они оказались во дворе. Анисимов ввёл их в маленькую тёмную комнату, угостил сушёной рыбой и галетами и оставил одних, не забыв прежде погладить.

Малыш проголодался и моментально проглотил свою порцию. Затем он обследовал всё помещение.

В углу он нашёл войлочную подстилку и улёгся. Рядом пристроился Снежок.

Утром обнаружилось, что в двери имеется небольшое застеклённое окно. Света уже было достаточно, чтобы хорошо рассмотреть жилище, в котором спали Малыш и Снежок. Это помещение было значительно меньше Раечкиной комнаты, но несравнимо выше и просторнее конуры Полкана.

Малыш поднялся и сладко потянулся, выкинув передние лапы вперёд и почти касаясь животом пола. Потревоженный Снежок недовольно заворчал, но, заметив Малыша, снова закрыл глаза и спокойно продолжал спать. Тем временем Малыш обнюхал стены. Обоняние дополняло ему всё то, чего он не мог увидеть. Например, Малыш не видел других собак,

но легко определил, что они здесь были недавно. Он также чувствовал, что собаки где-то поблизости.

Он не ошибся. Послышался лай, звонкий, призывный. В другой стороне на призыв собрата прозвучал отрывисто и сердито бас какого-то, должно быть, огромного пса.

Малыш поспешил сообщить и о себе, отозвавшись продолжительным лаем.

Он не чувствовал голода, но закрытая дверь возмущала его, поэтому он продолжал лаять, требуя свободы.

Вскоре пришёл Анисимов.

– Ну, чего расшумелся? — спросил он, потрепав Малыша по шее. — Хватит, поветрогонили. Пора за науки приниматься.

Малыш заскулил. И Анисимов, словно поняв собачью просьбу, сказал:

– Гулять, говоришь? Сейчас пойдём.

Вожатый Анисимов хорошо знал собачью натуру. Он родился и вырос на Севере и много лет, ещё до службы в армии, имел дело с собаками, работая каюром.

Подобно старым каюрам, он верил в разум собаки, и споры других солдат о том, «умеет ли думать собака», его удивляли. В этом Анисимов даже никогда не сомневался. В своей жизни он видел много замечательных поступков собак, поступков, которые, по его мнению, невозможно было совершить без разума.

Вот и сейчас Анисимов легко понял, чего хотел Малыш. Через минуту он вывел Малыша и Снежка во двор.

Этот двор был, по крайней мере, раз в десять больше того, где жил Малыш последнее время.

Тут уже было много собак, которых водили на сворках другие вожатые. Никогда ещё Малышу не приходилось видеть так много своих братьев одновременно.

Но странно! Малыш да несколько других собак имели какую-то непонятную привилегию. Они получили полную свободу и могли разгуливать по всему двору. Остальные собаки, в том числе и Снежок, гуляли на поводке со своими вожатыми.

Малыш не имел ни малейшего представления о дисциплине и о многих порядках и правилах, какие существовали в подразделении служебных собак. А ведь именно одно из этих правил освобождало его и других молодых собак, не достигших восьмимесячного возраста, от ошейника, поводка и дрессировки.

Хотя все вожатые были одеты одинаково, в обычную военную форму, Малыш без труда находил среди них Анисимова. Время от времени Малыш подбегал к нему и, покружившись и попрыгав вокруг вожатого и Снежка, снова мчался в другой угол двора.

Потом Малыша водили на осмотр. Ветеринарный врач прощупывал у собак-новичков мускулатуру, осматривал кожу, глаза, уши и зубы и проверял пульс.

После осмотра Малыша он удовлетворённо сказал:

– Отличная собака.

Глава пятая
Малыш получает специальность

Так Малыш стал служебной собакой.

У каждой служебной собаки есть своя специальность.

Есть собаки-пограничники, связисты, подносчики патронов, санитары.

Под ожесточённым пулемётным и миномётным обстрелом бегут и иногда ползут четвероногие связные и доставляют приказания и донесения. На поле боя собаки разыскивают раненых и сообщают о них санитарам.

Малыш — выносливый северянин — был зачислен в подразделение ездовых собак.

***

Прошло два месяца. Зима стояла дружная, ровная, без оттепелей и без сильных морозов.

Малыш стал совсем взрослым. Мускулы его окрепли. Пропали неуклюжесть и беспричинная щенячья восторженность. Шерсть лежала густая, с красивым переливом оттенков. Широкая белая грудь таила приобретённую с возрастом силу.

Однажды Анисимов не пришёл в будку в обычный для кормления час. Это очень удивило Малыша. За два месяца он привык получать свою ежедневную норму в установленное время. Но прошло два часа, а вожатый всё не появлялся, и Малыш стал проявлять признаки беспокойства. Он

не был голоден и мог бы терпеть ещё очень долго без пищи, но сказывалась сила привычки.

Ещё более удивительным было то, что Анисимов пришёл, но кормить не стал. Он вывел Малыша во двор и не отпустил, как обычно.

Во дворе их ждал другой вожатый, Ильинский.

Ильинский взял Малыша за ошейник, а Анисимов достал из сумки кусочек вяленого мяса и отбежал далеко к забору.

– Малыш, ко мне! — крикнул Анисимов, держа на виду мясо.

Ильинский отпустил Малыша, и тот немедленно бросился к лакомству, которое сразу же и получил.

– Хорошо, — ласково сказал Анисимов, оглаживая собаку.

Но кусочек мяса был слишком мал для необычайно возросшего аппетита. Малыш просительно заскулил. В этот момент он услышал свою кличку. Звал Ильинский, — и теперь он тоже держал в руке кусочек мяса.

– Малыш, ко мне!

Второй раз услышал Малыш эти короткие слова — «ко мне», произносимые повелительно.

Анисимов подтолкнул Малыша, направив его в сторону Ильинского.

– Ко мне! — повторил Ильинский, и Малыш побежал на зов.

Кусочек мяса, похвала «хорошо!» и ласка были поощрением.

«Ко мне!» — эту твёрдую, повелительную команду Малыш слышал сегодня несколько раз. И хотя ему уже не показывали мяса, он всё же бежал. Он видел, что вожатый был особенно доволен, когда команда выполнялась быстро и старательно. Малыш любил и уважал Анисимова и потому всячески добивался его ласки, его доброго слова. И Малышу было приятно сейчас видеть довольного и улыбающегося вожатого.

После учёбы Малыш получил обильный корм.

Он насытился и прилёг на подстилку. Он наслаждался отдыхом. И даже когда Анисимов вышел, намеренно оставив дверь открытой, Малыш не пошевелился. Так хорошо было лежать, вытянув передние лапы и положив на них морду. Он закрыл глаза, и сладкая дрёма охватила его. И вдруг он услышал:

– Малыш, ко мне!

Он вскочил и в ту же секунду уже мчался по двору к своему вожатому. Его влекла могучая сила воли человека, и ничто сейчас не могло бы его остановить или заставить повернуть в сторону.

Сияющий встретил его Анисимов.

С этого дня началась регулярная учёба.

Малыш легко поддавался дрессировке, и это очень радовало Анисимова.

– Вперёд! — говорил вожатый.

Малыш срывался с места, и Анисимов едва поспевал за ним.

Малыш научился по команде ложиться и ползать. В искусстве ползать ему позавидовал бы самый ловкий пластун. Вытянувшись на снегу, энергично действуя лапами и извиваясь, собака передвигалась необычайно быстро.

Когда молодой пёс постиг эти премудрости, Анисимов повёл его на стрельбище.

Первый винтовочный выстрел испугал Малыша, но вожатый успокоил его ободряющим словом, погладил и дал мяса. Спокойный вид вожатого, как всегда, благотворно подействовал на собаку. Вскоре Малыш настолько привык к стрельбе, что не обращал внимания даже на станковый пулемёт, установленный рядом и бьющий длинными оглушительными очередями.

Приближалась весна. Анисимов торопился с обучением Малыша.

Однажды он вывел Малыша из будки. У самой двери лежали четыре собаки, и среди них был Снежок. Тут же стояли лёгкие санки-нарты. То была собачья упряжка.

По команде собаки вскочили. Анисимов сел на нарты и крикнул:

– Вперёд!

Собаки легко тронули с места нарты и побежали. Малыш со звонким лаем устремился за ними. Так они сделали несколько кругов по двору.

А на следующий день Малыш сам был запряжён в сани. Он попытался освободиться от потяга, рванулся в сторону и опрокинул нарты. Потом он лёг на снег и жалобно заскулил.

Однако Анисимов был настойчив. Когда нарты были установлены и Малыш повторил свою уловку, вожатый рассердился. Впрочем, он не кричал и не ударил ленивца. Он только сказал: «Фу!»

А этого было вполне достаточно. Сконфуженный Малыш понял, что вожатый им крайне недоволен. Пришлось повиноваться. Он нехотя побежал вперёд.

Спустя несколько дней Анисимов включил Малыша в большую упряжку. Начались ежедневные тренировочные выезды. И с каждым днём расстояние, пробегаемое собаками, увеличивалось.

Весна наступала неудержимо. Под крышами в бесчисленных сосульках горело солнце. И множество воронок от весенней капли окружало дома и собачьи будки.

В подразделении ездовых собак давно предполагалось провести учебно-тренировочный переход.

Пять упряжек участвовало в переходе. Малыш шёл в упряжке со Снежком. Он уже вполне освоился с работой и старался тянуть изо всех сил. С тех пор как Малыша стали запрягать, у него появилось больше солидности и собачьего достоинства. Он чувствовал, что выполняет особенно полезное для Анисимова дело. И работал усердно и с желанием.

Глава шестая

На фронт

Весь май ездовые собаки оставались без дела. Анисимов, Ильинский и другие вожатые были заняты постройкой маленьких лодочек-волокуш для упряжек.

Обычно в полдень Анисимов открывал наружную дверь будки. Через вторую решётчатую дверь собакам был виден весь двор.

Снежок спокойно лежал, а Малыш принимался лаять. Тогда опять приходил вожатый и строгим тоном произносил слово запрета. Подавать голос днём собакам запрещалось: это отвлекало других собак — связанных, санитарных и караульных — от учёбы.

Малыш скучал. Он предпочитал двигаться в упряжке, тянуть нарты с полным грузом, чем сидеть взаперти, за ненавистной деревянной решёткой. Да что там, предпочитал. Отдохнув после перехода, Малыш во время прогулок всюду искал и вынюхивал следы от полозьев. Он искал нарты, хотел мчаться в строю собак по просторам заснеженных полей под большим чашеобразным небом.

Июнь чередовал дождливые и солнечные дни. Погода никак не могла установиться.

В воскресенье Анисимов явился какой-то необычный, взволнованный. И его взволнованность, и беспокойство Малыш почувствовал и воспринял немедленно.

Потом пришёл Ильинский. Вожатые очень долго стояли около будки и разговаривали, забыв о собаках. Они говорили о начавшейся войне, о том, чего не знали и не понимали Малыш и Снежок.

Потом начались сборы. Но с места подразделение снялось лишь осенью. Потянулись скучнейшие дни жизни в закрытом товарном вагоне. Состав подолгу стоял на полустанках, в тупиках, среди множества железнодорожных путей и разнообразных вагонов.

Мимо проходили воинские эшелоны. На платформах везли танки и орудия, накрытые брезентом, похожие на невиданных огромных животных.

Затем, после длительного путешествия в вагоне, ездовые собаки целых два месяца жили на окраине какой-то большой деревни, в огромной заброшенной конюшне.

Уже выпал снег. Первый снег взволновал Малыша. Выпущенный из конюшни, Малыш неторопливо побежал по дороге, принюхиваясь к бесчисленным следам.

А через неделю Анисимов пришёл в конюшню весёлый и возбуждённый.

— Ну вот, теперь и науки кончились, — сказал он. — Теперь работа будет.

Собак запрягли не в нарты, а в особые лыжные установки с санитарными носилками. Малыш по-прежнему бежал позади Снежка. В голове упряжки место вожака занимала Юнта — немолодая, но подвижная, опытная и на редкость усердная лайка. За Малышом следовал Жук, серебристо-чёрный пёс с бедовым характером.

Вволю отдохнувшие собаки легко понесли установку, так что Анисимов едва поспевал за ними на своих ещё не обкатанных лыжах.

Упряжки мчались, растянувшись по дороге длинным поездом. Они приближались к фронту.

Глава седьмая **Раненый спасён**

Рано утром послышался отдалённый грохот. Малыш вскочил и заметался. Вскочили и другие собаки.

– Ложись! — приказал Анисимов.

Перед наступлением наши артиллеристы начали обстрел немецких позиций.

В землянке ещё было совсем темно. Лишь вверху повис блёклый квадратик единственного окошка.

Малыш покорно лёг. Смутное предчувствие необычайного тревожило его. Непонятный гул нарастал.

И вдруг всё стихло. Только издалека доносились пулемётные очереди, хорошо знакомые подготовленным собакам.

Потом снова загрохотали орудия. Землянка вздрагивала, стекло в окошке дребезжало, раздражая Малыша. Вожатые уходили и приходили, успокаивали собак, шептались между собой.

Зашёл командир подразделения старший лейтенант Федулов, осмотрел собак и, уходя, сказал:

– Быть готовыми!

– Есть быть готовыми! — вместе ответили вожатые.

Никогда ещё Малыш не видел людей такими сосредоточенными. Он не знал, что такое бой, но чувствовал, что от него сегодня потребуется напряжение, сила и верность. Иначе, зачем так особенно внимательны к нему и к другим собакам все бойцы? Иначе, почему так ободряюще звучит голос Анисимова?

Все были полны ожидания: и вожатые, и собаки.

Снова явился старший лейтенант. Он, видимо, спешил и даже не зашёл в землянку, а лишь открыл дверь и приказал:

– Товарищ Рыбалко, подготовить три упряжки.

Командир отделения сержант Рыбалко подчёркнуто спокойно назвал фамилии:

– Анисимов, Фирсов, Ильинский...

Когда упряжки были подготовлены и тронулись в путь, бой уже затихал. Где-то очень далеко слышался неясный шум, похожий на движение тракторов.

По мере того как упряжки приближались к передовой, выстрелы и пулемётные очереди становились громче, отчётливее. Но стрельба нимало не смутила собак. Юнта была опытная фронтовичка, а Малыш, Снежок и Жук привыкли к выстрелам ещё в дни учёбы.

Собаки легко тащили по накатанной дороге лыжную установку. Дорогу плотно обступал хвойный заснеженный лес. Перед выходом на опушку упряжки остановились.

Из леса санитары осторожно вынесли раненого бойца. Его бережно уложили на носилки лыжной установки. Затем принесли второго раненого и затем — третьего.

Упряжки тронулись в обратный путь. Впереди шёл сержант Рыбалко. Вожатые двигались за установками, заботливо придерживая их на спусках.

Раненые стонали. И собаки, словно чувствуя их страдания, тащили установки осторожно, ровно, без рывков.

В этот день упряжки сделали два рейса с передовой до госпиталя. На следующий день наступление продолжалось и работы для упряжек стало больше. К концу дня Анисимов получил приказание выйти с упряжкой на поле боя.

Только что отбили ожесточённую контратаку немцев. Противник отступил и, видимо, готовился повторить удар.

На поле остались раненые бойцы. Вскоре все они были подобраны санитарями. И только один солдат не был вынесен с поля боя. Он лежал в небольшой лощинке, тяжело раненный осколком в голову. Но даже приблизиться к нему санитарам не удалось. А все знали, что он жив. И кроме того, знали, что пулемётчик Васильев совершил героический поступок.

С ручным пулемётом Васильев выдвинулся вперёд и выбрал удобное место для ячейки. Он лежал, низко пригнув голову, и наблюдал за полем боя. Ветер дул ему в лицо, срывал с бруствера ячейки колючую снежную пыль.

Васильев знал, что немцы вот-вот должны появиться на гребне возвышенности за лощинкой. Пусть попытаются!

Ожидать долго не пришлось. Гитлеровцы словно выросли на гребне и, пригибаясь и ведя бешеный огонь из автоматов, бросились вперёд.

Васильев быстро осмотрелся и дал очередь.

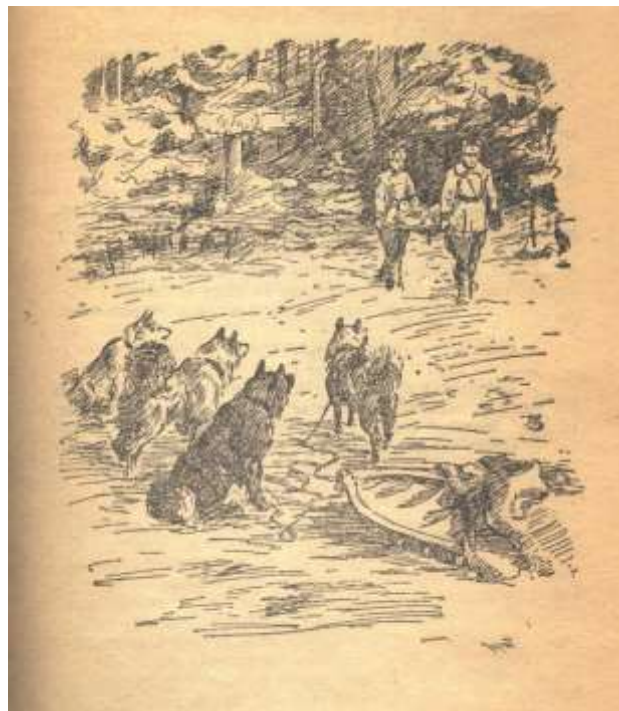
Он бил наверняка. Немцы ринулись к нему. Но уже слышались сливающиеся в общий треск выстрелы наших пехотинцев.

А потом немцы побежали назад. Васильев поднялся и, преследуя их, на ходу бил из пулемёта. Он упал, раненный осколком мины, и ещё лёжа стрелял.

— Товарищ старший лейтенант, — сказал Анисимов, — разрешите мне.

Командир подразделения испытующе взглянул на вожатого.

— Надо попытаться. Идите слева, вон от той ёлки. Но берегите собак. Без них пропадёте.

Анисимов кустарниками вывел упряжку к высокой ёлке.

– Вперёд! — прошептал он и побежал, низко пригибаясь к земле.

Собаки побежали за ним.

Глубокий снег был истоптан тысячами следов. Малыш чувствовал горький запах пороха и копоты. Он на бегу лизнул почерневший снег и фыркнул.

Вдруг на немецкой стороне длинной очередью застучал пулемёт.

– Ложись! — падая, крикнул Анисимов.

Малыш с прыжка лёг на снег. Он видел, как Юнта, прижав уши, поползла. Потяг натянулся. Пополз Снежок. Извиваясь и зарываясь в снег, Малыш двинулся за ним.

Затаив дыхание, красноармейцы следили за упряжкой.

Выждав момент, Анисимов вскочил и успел пробежать метров пятнадцать. Стремительно рванулась за ним Юнта. Собаки догнали вожатого и снова легли.

Опять на вражеской стороне злобно затакал пулемёт. Анисимов больше не поднимался. Он полз впереди упряжки.

Пули взвизгивали и ворошили снег. Сейчас Анисимовым владела одна мысль — добраться до лощинки, где лежал Васильев.

Добраться во что бы то ни стало!

В это время пулемётные очереди слышались с нашей стороны. Поддержка оказалась кстати. Анисимов пополз к маленькой высотке. Теперь пули не могли задеть его. Едва заметный пригорок всё же был надёжным укрытием.

Анисимов даже приподнялся и пополз на четвереньках. Собаки всё ещё ползли, несколько отстав от вожатого. Но как только упряжка оказалась укрытой от обстрела, Юнта вскочила.

В момент упряжка была возле вожатого.

– Милые! — прошептал Анисимов.

Пока они были в безопасности.

Анисимов нашёл Васильева лежащим без сознания. Одной рукой он держался за шейку пулемётного приклада. Около головы снег был красным от крови.

Вытащив из волокуши два индивидуальных пакета, Анисимов покрыл голову Васильева толстым слоем бинтов. Положить раненого в волокушу оказалось нелегко.

Но вот бесчувственный, бледный Васильев лежит в лодочке. Вожатый, стоя на коленях, оглаживает собак. А пулемёты бьют и бьют.

– Ну, тронулись, дорогие! Вперёд!

И снова поползли вожатый и собаки.

Теперь тащить волокушу было несравнимо тяжелее. Нос лодочки зарывался в снег и тормозил. Между тем упряжка достигла открытого места, и пули снова назойливо запели над вожатым, над собаками и над волокушей.

Полностью доверив управление Юнте, Анисимов полз сзади, подталкивая и поддерживая волокушу.

Малыш напрягал все силы. Увлекаемый примером Юнты, он рвался за ней и приходил в ярость, когда волокуша застревала и потяг удерживал

собак. Выбрасывая лапы вперёд, Малыш отчаянно цеплялся за снежный наст. Пули своим пронзительным визгом бесили его. В тот момент, когда Малыш чуть приподнялся, одна из них обожгла его спину, и он почувствовал в этих невидимых кусочках металла смертельных врагов.

О подвиге анисимовской упряжки стало известно во всей дивизии. В армейской газете была напечатана заметка «Вожатый Анисимов и его собаки». В заметке упоминались и Юнта, и Малыш, и Снежок, и Жук.

Потом приехал генерал и вручил Анисимову медаль «За отвагу».

Появление упряжки всюду приветствовали.

— Анисимов едет! — кричали бойцы, издали заметив собак.

— Товарищ Анисимов, которая у тебя Юнта?

— Вот так Малыш! — восторгались бойцы. — Такой Малыш волку спуску не даст.

— Нипочем не даст, — соглашались другие.

Когда Анисимов готовил волокушу, чтобы отправиться на переднюю линию, к упряжке подошёл боец и спросил:

— А что, товарищ, на Центральном вам не приходилось бывать?

— Не бывал, — ответил вожатый.

Солдат погладил Малыша.

— Вот такой же пёсик был в упряжке, что меня из-под огня раненого вывез. От верной смерти спасли. Имечко только не знаю. Очень похож...

Он достал из мешка кусок сыру и, разрезав его на четыре части, дал собакам.

Глава восьмая

Патроны доставлены вовремя

Теперь Анисимов ежедневно выводил свою упряжку на поле боя. Сражения на этом участке длились уже вторую неделю. Даже по ночам не прекращалась стрельба. В густую черноту неба врезались хвостатые разноцветные ракеты.

Пядь за пядью, высоту за высотой, деревню за деревней отбивали наши войска у врага.

Малыш привык к разрывам мин и снарядов. При взрыве он мгновенно прикивал к земле, чутко вслушиваясь в медлительный посвист смертоносного металла. Он не ждал команды «ползи», сам инстинктивно чувствуя опасность. У опытной Юнты он научился выбирать в пути укрытия — бугры и ложбинки, воронки от снарядов и оставленные пехотинцами стрелковые ячейки.

Ранним утром стрелковая рота начала наступление на небольшую деревушку, расположенную на высоком берегу озера. Пулемётный расчёт сержанта Русакова находился на левом фланге и поддерживал огнём наступление.

Меняя огневые позиции, пулемётчики скрытно продвигались по берегу. На лёд выйти было невозможно. Всё озеро простреливалось вражескими пулемётами.

Остервенело били немецкие миномёты и задерживали наступление стрелковой роты. Полоса разрывов мин стала, словно стена, перед советскими пехотинцами. Неожиданно немцы на левом фланге перешли в контратаку. Они тоже использовали кустарники и складки на берегу озера. Стойко сражался расчёт сержанта Русакова.

Но немцы наседали. У Русакова в кожухе пулемёта вскипела вода. Позади, за огневой позицией, в укрытии метался в бреду тяжелораненый ефрейтор Бочаров — первый номер. Командир отделения сержант Русаков сам лежал у пулемёта.

«Выстоять!» — одна мысль владела в этот момент сержантом. В окаменевшем лице, в слитых с рукоятками пулемёта руках, во всём напряжении тела было одно: выстоять! Разве не об этом же думал сейчас и второй номер пулемётного расчёта!

Но патроны были на исходе. И это означало приближение конца.

Пулемётная лента судорожно гнала патроны в приёмник. И каждый патрон словно отсчитывал дольку оставшейся жизни.

Должно быть, подносчик Семёнов, отправившийся на патронный пункт, погиб.

Оставалась одна, последняя лента. Русаков — фронтовик с первых дней войны — хорошо знал цену последней ленты, последней винтовочной обоймы, последнего пистолетного патрона.

Фашисты надолго залегли. Они выжидали того тягчайшего для советских пулемётчиков момента, когда прогремит последний выстрел. Они старались вызвать напрасный огонь. Но Русаков был опытным пулемётчиком. Он рассчитывал и берёг каждый патрон.

Между тем, когда пулемётный расчёт Русакова отбивался от разъярённых фашистов, патроноподносчик Семёнов подползал к патронному пункту. Он попал в полосу миномётного огня. Осколки располосовали его ватированную куртку. Широкий след крови тянулся далеко позади. Кровь заливала валенок, набухло кровью бельё. А Семёнов полз и полз. С каждой минутой он всё больше ослабевал. На мгновение он потерял сознание. Но сразу же очнулся, даже приподнялся, пытаясь вскочить на ноги. Острая боль в ноге и слабость от потери крови уложили его на снег.

В этот момент его заметили.

— Скорее патроны расчёту! — прошептал он.

И вот впервые на волокушу упряжки Анисимова были уложены плоские коробки с пулемётными лентами.

Собаки стремительно пронеслись через открытое поле и оказались на берегу озера. Низко пригибаясь, укрываясь за кустарниками, Анисимов бежал впереди упряжки. Лыжи ежеминутно натывались на кочки. Вожатый сбросил лыжи и, проваливаясь по колено в снежные сугробы и задыхаясь, продолжал бежать.

Волокуша прыгала на кочках, громыхая наскоро уложенными коробками.

Анисимова поразила тишина. Неужели пулемётчики погибли?

Он побежал ещё быстрее. Неожиданно слева дробно застучал пулемёт. Пули просвистели совсем близко от упряжки.

Анисимов упал. Приникли к земле и собаки.

– Сюда! — услышал Анисимов.

Только сейчас он заметил пулемётчиков. Длинная пулемётная очередь нарушила тишину. Это Русаков, узнавший о привезённых патронах, вне себя от радости, погнал без перерыва остатки теперь уже не последней ленты.

Немцы попытались пойти в атаку на огневую позицию станкового пулемёта, но не выдержали огня и снова залегли.

– Попробовали! — злорадно закричал Русаков. — Рано радовались!

Собаки лежали в кустах, пережидая, когда вожатый позовёт их в обратный путь. Малыш слизывал с веток чистый затвердевший снег. Несмотря на стрельбу, он чувствовал себя спокойно.

Прошло минут двадцать, может быть, полчаса.

Вдруг справа на озере раздалось раскатистое «ура».

– Ура-а! — закричал Русаков.

Немцы побежали. И снова над озером, над берегом и лесами рассыпался горох длинной очереди русаковского пулемёта.

Анисимов видел, как бойцы, преодолев по льду озеро, занимали деревню. Сильный ветер дул на озеро, и трескотня пулемётов, винтовок и автоматов была едва уловимой.

Сержант Русаков всё ещё лежал у пулемёта. Немцы поспешно и далеко отошли, боясь остаться отрезанными от своей роты, выбитой из деревни.

Наконец сержант поднялся и вздохнул:

– Всё!

Потом он подошёл к упряжке.

– Спасли, дорогие мои, — проговорил он и обхватил Юнту. Потом прижал к себе Малыша, тряхнул ему лапу и чмокнул в нос.

Малыш удивлённо смотрел на сержанта, ласково гладившего собак.

– Ещё три минутки — и патроны закончились бы!

Сержант лёг на снег, усталый, с серым от копоти лицом.

Тем временем Анисимов с помощью другого солдата уложили раненого ефрейтора на волокушу.

Собаки вскочили.

– Ложись! — приказал Анисимов. — Нужно перекурить.

Он достал коробку с табаком. Предложил сержанту. Все вместе закурили. И казалось, люди присели лишь для того, чтобы отдохнуть после длительного перехода, как будто и не было тех минут, когда смерть висела над их головами. Только окровавленный снег, кучи почерневших гильз да несколько трупов немцев вдали напоминали о бое.

Потом Анисимов встал, накинул на плечо лямку от лыжной установки с пулемётом и крикнул собакам:

– Вперёд!

Глава девятая

Вожак

На поле боя от шальной пули погибла Юнта. Это была большая потеря в подразделении.

Место жожака в упряжке занял Малыш. В новой должности он повёл себя уверенно, по-хозяйски деловито. Если Юнта влияла на других собак своим примером и прилежанием, то новый жожак сразу же проявил требовательность. Он недовольно ворчал, когда упряжка задерживалась в пути. Сам Малыш всегда тянул лодочку с таким усердием, что остальным собакам невольно приходилось следовать его примеру.

Но новый член упряжки Тобик не отличался трудолюбием. Он мог в пути неожиданно рвануться в сторону, чтобы обляять встречную машину или совершить ещё какой-нибудь недопустимый проступок. Он не любил ползать и часто не слушался жожакого.

Словом, Тобик оказался недисциплинированной собакой. А не следует забывать, что он находился в подразделении ездовых военных собак, где дисциплина превыше всего. Поэтому послушание Тобика, конечно, не оставалось безнаказанным.

Однажды Малыш изрядно потрепал Тобика, когда тот попытался сорваться с потяга, чтобы схватить перебежавшего дорогу шального зайца. По его вине волокуша чуть было не перевернулась.

Анисимов никогда не позволял собакам драться. Но на этот раз он ни слова не сказал Малышу. Слишком недостойным было поведение Тобика.

Однако Тобик не исправлялся, и Анисимов доложил командиру подразделения. Командир обещал дать замену.

Между тем из-за недисциплинированности Тобика Малыш нервничал. Тобик, кроме всего прочего, оказался задирой. Однажды он набросился на Жука и в ключья разорвал его маскировочный халат.

Малыш и Снежок вступились за товарища. Только вмешательство Анисимова спасло забияку от расправы.

Жожакий ожидал, когда Тобик будет заменён. Очевидно, его нужно было использовать на другом деле. Ленивый, злой, для работы в упряжке он не годился.

Но вскоре Тобик за свою недисциплинированность дорого заплатился. Упряжка вывозила раненых с поля боя. Попав под миномётный обстрел, собаки по команде жожакого залегли и зарылись в снег. Лишь Тобик продолжал прыгать, стараясь сорвать потяг.

– Ложись! — снова приказал Анисимов.

Тобик прилёг и с яростью начал зубами рвать ремень. Потом он внезапно вскочил. В этот момент взрыв мины сбил его. Один осколок попал ему в голову. Была перебита также задняя лапа. Тобик отчаянно визжал. Он попробовал привстать, но тут же свалился.

Хотя Тобик и был нарушителем дисциплины, всё же Анисимов искренне жалел его.

– Из-за баловства пропал, — сокрушённо сказал он, передавая Тобика ветеринарному врачу. — У других собак даже царапинки нет.

Несколько дней в упряжке работали три собаки, затем вожатый привёл Шарика.

Шарик — простодушный, неказистый дворняга — в упряжке, вопреки всяким ожиданиям, показывал необычайные способности. Он был хорошо выдрессирован, умело ползал и тянул волокушу изо всех сил.

— Клад — не собака, — хвалил Шарика Анисимов. — Быть бы ему вожакom, если бы не Малыш. А смотрите, какой невидный!

Глава десятая

В тыл врага

Маленький отряд из трёх собачьих упряжек отправился в далёкий и опасный путь. Нужно было пройти свыше двухсот километров и доставить боеприпасы подразделению, действующему во вражеском тылу.

Лодочки снова были заменены нартами.

Впереди шла упряжка Анисимова. Теперь в подразделении как-то само собой определилось, что Малыш — наиболее опытный и надёжный вожак.

По этим дорогам, вернее по этому бездорожью, не пробралась бы самая выносливая лошадь. Недаром трудное задание было возложено на собачьи упряжки.

Линию фронта переходили глубокой ночью, совершив далёкий обход немецких позиций и гарнизонов.

Казалось, собаки плыли в снежных сугробах. Иногда из рыхлого снега были видны лишь одни их головы. Когда удавалось вырваться из глубокого снега, собаки встряхивались и поднимали облака снежной пыли. Потом

появились заросли кустарников, кочки — всё, что могло затруднить движение упряжек.

Вожатые шли на лыжах, но и на их долю доставалось немало тягот и лишений. И хотя Анисимов был выносливым человеком и бывалым вожатым, он в первый же день понял, что путь будет труднее, чем предполагали в подразделении.

Впрочем, вожатые не унывали и, конечно, не жаловались. Настоящие трудности были ещё впереди.

Первый привал был коротким. Остановились только, чтобы утолить голод. Спустя час упряжки уже продолжали путь.

Лишь к вечеру второго дня Анисимов отдал приказание остановиться. Укрывшись в густом лесу, экспедиция расположилась на длительный отдых. Разводить костёр было нельзя, а потому ужин бойцов состоял из сухого пайка.

Собаки по привычке зарылись в снег. Освобождённые от потяга, усталые, они не отходили от нарт.

Бойцы дежурили поочерёдно. В лесу было тихо. Снег на деревьях ожеледел, и иногда целые глыбы его срывались и шумно падали вниз.

Ночёвка на снегу под открытым небом была для Малыша привычной. Утомлённый, он спал спокойно, но чутко. Когда Анисимов приподнялся и тихо заговорил с дежурившим Ильинским, Малыш тотчас вскочил.

Рассвет был ещё таким слабым, что даже близкие деревья не приобрели чётких очертаний.

Не нарушая лесной тишины, упряжки снова пустились в путь. Медлительный рассвет ещё более задерживался сплошной облачностью. Посыпался мягкий снег.

В полдень экспедиция переправилась через речку. У берегов её на льду выступила вода, и собаки изрядно вымокли и выбились из сил, вытаскивая отягощённые грузом нарты. Но отдыхать было нельзя. Недалеко раскинулась деревня. Пришлось её обходить, чтобы остаться необнаруженными.

Лесные рощи чередовались с широкими полянами. Приходилось проявлять особенную осторожность. Впереди шёл дозорный, он то и дело останавливался и подавал сигнал старшему вожатому: «Путь свободен».

— Малыш, вперёд! — командовал Анисимов.

Так медленно, далеко обходя деревни, пробирались упряжки к своей цели.

Конечно, ни Малыш, ни другие собаки не знали всего о той опасности, какая могла им встретиться каждую минуту. Но движение впереди дозорного, разговор вожатых вполголоса и часто упоминаемое слово «немец» — всё это заставляло собак держаться настороженно и очень послушно.

В назначенный день экспедиция достигла условленного места. Неизвестно откуда появился лейтенант с двумя бойцами.

Анисимов передал лейтенанту пакет. Боеприпасы были выгружены в лесу, в укромном месте.

Трёхдневный переход утомил людей. А впереди им ещё предстоял не менее трудный обратный путь. Но задание было выполнено, и потому вожатые чувствовали себя превосходно.

Настроение людей передавалось собакам, хотя, несмотря на привычку к переходам и выносливость, они сильно утомились. Все животные заметно похудели, на отдыхе они совсем не играли, тяжёлый марш словно отнял их обычную резвость. Стоило лишь одному из вожатых подняться, как собаки настораживались.

Решено было тронуться в путь перед рассветом. Но в полночь явился связной от лейтенанта.

Немцы обнаружили местонахождение советских бойцов и предприняли облаву.

Нужно было немедленно уходить из этого района. Так, не отдохнув, экспедиция была вынуждена сняться с места.

Глава одиннадцатая **В трудных условиях**

Ночь стояла спокойная. В небе мерцали бесчисленные звёзды. Выходила луна. Это больше всего беспокоило Анисимова. В случае встречи с врагом трудно было от него укрыться.

И встреча произошла. Вначале стали беспокоиться собаки. Малыш часто вытягивал морду, дважды останавливался. Шерсть на нём приподнималась. Наконец он злобно заворчал и даже бросился в сторону. Случай исключительный, особенно для такого опытного и дисциплинированного вожака, каким был Малыш. Конечно, птица, заяц или какой-нибудь другой зверёк никогда не заставили бы вожака нарушить порядок движения. Несомненно, поблизости находились не просто безобидные лесные обитатели. Тут был враг. Это сразу же понял Анисимов.

Между тем дозорный Рухлов до сих пор ничего подозрительного не обнаружил.

Тогда Анисимов с автоматом наготове выдвинулся в сторону и углубился в лес.

Так он прошёл около двух километров и решил повернуть, чтобы сблизиться с упряжками. Неожиданная автоматная очередь словно толкнула его в снег. Он залёг, сам готовый открыть огонь.

Но упряжки могли уйти далеко. Укрываясь в кустарниках, вожатый пополз. Потом двигался, пригибаясь. Он заметил следы нартов и ускорил ход.

Едва он успел нагнать нарты, как новая очередь автоматных выстрелов нарушила тишину.

– Малыш, вперёд! Вперёд! — крикнул Анисимов.

Собаки помчались изо всех сил.

Началась погоня.

Пули хлестали по ветвям, сбивая снег и хвою. Бежать было трудно. Лыжи натыкались на кочки. Нарты прыгали, зарывались в снег и грозили каждую минуту перевернуться.

Принять бой было нельзя, хотя преследующих, судя по редкой стрельбе, было немного. Но к ним могла подоспеть помощь.

Оторваться от преследователей — вот о чём думал Анисимов. Но на каждом шагу упряжки могли наскочить на засаду или на немецкий гарнизон.

Опасаясь этого, Анисимов приказал повернуть вправо и углубляться в лесную глушь.

Вскоре замолкли последние выстрелы. Было уже совсем светло.

Измученные гонкой, собаки едва передвигались.

Упряжки отклонились от своего направления. Между тем удлинение пути беспокоило Анисимова. Продовольствие у экспедиции было на исходе.

Два дня вёл Анисимов упряжки, выискивая скрытный путь между деревьями и немецкими гарнизонами. Приходилось отклоняться всё больше в сторону, а до линии фронта оставалось ещё далеко.

Дневная норма продовольствия была сокращена.

Собаки тоже теперь получали уменьшенный паёк, но они по-прежнему с упорством и рвением тянули нарты.

На третью ночь поднялась пурга. Захваченные в пути, упряжки остановились в мелкоколесье, которое совсем не защищало от снежной кутерьмы и от холодного, резкого ветра. Весь следующий день неистовствовала метель. Двигаться было невозможно. И хотя экспедиция оставалась на месте, ни люди, ни собаки не чувствовали отдыха.

Собак мучил голод. Никогда ещё Малыш не знал настоящего голода, такого голода, с которым приходит истощение и потеря сил.

К вечеру, когда ветер ослаб, Анисимов выдал по последней порции продовольствия. Снова упряжки выстроились в походную колонну.

Две ночи и два дня ещё двигались бойцы со своими упряжками.

Голод изнурил собак. Даже пустые нарты они едва могли стронуть с места. Выбившись из сил, Снежок упал на подъёме и поднялся лишь с помощью Анисимова. Вожатый освободил измученную собаку от ремней.

На одной из стоянок из третьей упряжки пропал Джек. Он появился лишь тогда, когда упряжки уже были готовы к движению. В зубах Джек держал остатки какой-то лесной птицы.

Остальные собаки упряжки бросились к Джеку. Дисциплина, порядок, послушание — всё, чему учили их вожатые, в этот момент было забыто. Началась свалка.

Забеспокоились собаки и в других упряжках. Только вмешательство Анисимова помогло уладить раздор.

Нарты были поломаны. Пришлось их бросить.

Конечно, Джеку досталось за его проступок. Он плёлся теперь в упряжке Анисимова и, очевидно, сожалел о происшедшем. Кроме того, он с опаской поглядывал на Малыша, который, как было известно, не любил самовольных и непослушных собак.

Вечером дозорный неожиданно услышал окрик часового. Это был сторожевой пост одной нашей части.

Глава двенадцатая

Один в упряжке

После возвращения из похода собакам был дан отдых. Быстро восстанавливались силы. Несколько дней оказалось достаточно, чтобы даже Снежок стал выглядеть почти совсем нормально. Шерсть его снова стала гладкой и белоснежной. Глаза смотрели весело, по-прежнему задорно. В них опять появилась собачья хитринка.

От безделья собаки затевали игры, гонялись друг за другом и, видимо, чувствовали себя превосходно.

Но война продолжалась. И нужно было работать — перевозить раненых, доставлять боеприпасы, нести боевую службу. Анисимов подготовил волокушу и отремонтировал упряжь.

Малыш заметил вытащенную лодочку первым и немедленно бросился к ней. Он обежал вокруг волокуши, обнюхал её и потом с готовностью встал на своё место, ожидая, когда вожатый займётся запряжкой.

Жук, Снежок и Шарик, по примеру вожака, тоже охотно и покорно встали в строй.

– Команды не было, — сказал Анисимов, засмеявшись. — Разойдись!

Но Малыш настойчиво повизгивал. Он соскучился без дела и требовал работы.

На первый раз упряжка Анисимова совершила небольшой рейс. Но на следующий день уже началась настоящая работа. И собаки были довольны, они тянули с необычайным пылом.

Был на исходе март. В тёплых порывах ветра, в сгущающейся голубизне неба чувствовалось приближение весны.

В тот день упряжка долго ожидала приказа отправиться на передовую с боеприпасами. Наконец приказание было получено.

Дважды упряжка приближалась к огненным рубежам наступающего взвода. На третий раз пробираться стало труднее. Взвод прикрывал открытый фланг, быстро маневрировал и теперь выдвинулся вперёд. Под жестоким огнём противника бойцы залегли.

Собаки ползком тащили волокушу, нагруженную патронами. Впереди, не поднимая головы, по-пластунски двигался Анисимов. Он на слух определял отставание упряжки и приглушённым голосом изредка подавал команду:

– Вперёд! Малыш, вперёд!

И Малыш, цепляясь за наст, напрягался изо всех сил. Слово «вперёд» было для него магическим, оно влекло его, заставляло работать мускулы и забывать усталость.

У разрушенной траншеи Анисимов остановил упряжку. Здесь лежали раненые командир взвода и два солдата.

К траншее подползли подноски патронов. Они забрали из волокуши коробки и отправились обратно — ползком по полю. Рвущиеся мины высоко вздымали перемешанный с землёй снег.

Первым на волокушу был положен командир взвода. Ему требовалась немедленная операция.

Снова команда «Вперёд!». И снова четвероногие труженики двинулись в путь. Несколько минут назад они спешили, чтобы доставить бойцам патроны. Теперь они спешили, чтобы вовремя привезти тяжелораненого командира в госпиталь, чтобы спасти ему жизнь.

Шум боя остался позади, но до медицинского пункта было ещё далеко. Командир взвода лежал без сознания. Он был совсем молодой. Лицо его побледнело от страданий и усталости.

Теперь Анисимов поднялся и помогал собакам. Он придерживал волокушу на склонах и буграх. Он тоже устал, может быть, с непривычки после длительного отдыха, а может быть, этот день был действительно необычайно напряжённым. Почему он устал, об этом не смог бы сказать и сам вожатый.

Собаки тоже поднялись и торопились везти лодочку.

Вдруг вверху послышался знакомый свист. Вал минных разрывов закрыл лежащую впереди местность. Пулемётная стрельба усилилась. Над упряжкой ныли, визжали, посвистывали мины.

Почувствовав опасность, собаки прилегли. Анисимов глазами искал укрытие, но ничего подходящего не увидел. Он побежал в сторону, за ним вскочили собаки.

Нужно было перебраться через разрушенную железнодорожную насыпь. Может быть, там найдётся местечко, где удастся переждать артиллерийско-миномётный обстрел. Очевидно, противник готовился к контратаке.

На нашей стороне тоже ожила артиллерия. Высоко над упряжкой царил невообразимый тревожный хаос. Вокруг всё ревели, стонало, ухало.

Пожалуй, в такую переделку Анисимову никогда не приходилось попадать. Едва об этом подумал вожатый, как в тот же момент земля круто пошла под ним вниз. Он упал, может быть, сбитый волной, а может быть, по инстинкту самосохранения. Но боли не чувствовалось.

Впрочем, первая мысль у него была не о себе, а о раненом командире и о своих питомцах, о своей упряжке. Ещё не успев ничего разглядеть среди дыма и клубящегося снега, он услышал жалобный собачий стон и взвизгивания.

Анисимов хотел встать и не мог. Только сейчас он заметил, что брюки на колене разорваны, и ощутил острую боль в ноге. Он пополз к упряжке, и то, что он увидел, заставило его на секунду закрыть глаза. Неужели это действительность?

На чёрном от крови снегу распластался бездыханный Жук. Живот его был разорван, и только кровь и снег скрывали огромную страшную рану.

Невдалеке от Жука лежал Снежок. Его блестящая белая шерсть даже не была запачкана кровью. Должно быть, осколок ударил ему в голову.

Запутавшись в ремнях, извивался на снегу Шарик. У него были перебиты передние лапы.

И только Малыш молча смотрел на вожатого, не понимая, что случилось. Из разорванного уха, заливая морду, сочилась кровь.

Носовая часть волокуши была раздроблена. Анисимов перерезал ремни и освободил Шарика. Собака вскочила и тут же упала, зарывшись мордой в снег.

Вожатый работал лёжа. Он перевязал разбитые лапы Шарика и осторожно уложил собаку в лодочку, к ногам раненого лейтенанта. Собака не противилась и с благодарностью тоскливо смотрела на вожатого.

– Малыш, ко мне! — тихо сказал Анисимов, испытующе глядя на жоака.

Малыш с готовностью занял своё место у волокуши. Анисимов связал ремни. И, таким образом, в упряжке остался один жоак.

Осилит ли? Анисимов упёрся в заднюю часть лодочки и привычно скомандовал:

– Малыш, вперёд!

То, что раньше тащили четыре собаки, сейчас досталось на долю одного Малыша. Проваливаясь в разрыхлённом снегу, оставшийся одиноким в упряжке, жоак натянул потяг. С помощью Анисимова он стронул лодочку и потащил. Он крутил головой, словно стараясь отмахнуться от назойливой мухи. То была боль кровотокающей раны.

Никогда ещё Малышу не было так тяжело. Кровь заливала правый глаз, и жоак им ничего не видел.

Тело собаки вытянулось, шерсть на животе касалась земли. Тяжело дыша, высунув язык, Малыш напрягал все силы, короткими шагами продвигаясь вперёд. Силой своих мускулов он словно вырывал у невидимого противника каждый сантиметр пути. Тяжёлое и упорное движение действительно походило на борьбу. Казалось, даже зубы Малыша участвуют в этой борьбе.

Но как ни тихо двигался Малыш, за ним всё же Анисимов не поспевал. Нога одеревенела, и вожатому приходилось ползти, работая только руками. Иногда ему удавалось дотянуться рукой до волокуши и подтолкнуть её, и тем облегчить работу выбившегося из сил Малыша.

Огневой вал отошёл в сторону. Но потрясающие землю разрывы снарядов всё ещё слышались.

Так двигались они — медленно, но с необычайным упорством.

Их нашли санитары недалеко от медицинского пункта. Вожатый отстал и лежал, потеряв сознание и уронив голову в снег. Волокуша застряла у разбитой сосны. Собака выла и в ярости рвала зубами колючие хвойные ветви, тщетно пытаясь вырвать лодочку из ловушки.

Глава тринадцатая
«С фронтовым приветом...»

Прошло много, очень много времени с тех пор, как лейтенант и красноармеец увели с собой Малыша.

Изредка почтальон приносил Игорю письма. И тогда в квартире Жигаловых собирались ребята со всего дома.

Это были счастливые дни, дни получения писем с фронта. Вначале Игорь читал их вслух, а ребята молча слушали, боясь пошевелиться и испытывая нетерпеливое любопытство. Потом письма переходили из рук в руки. Каждому хотелось подержать развёрнутый треугольник, собственными глазами увидеть в нём имя Малыша, прочитать хотя бы одну строчку.

Так ребята узнали о том, что Малыш перевозит раненых бойцов, доставляет патроны, что он уже стал вожаком собачьей упряжки.

Но вот прошло три месяца, как было получено последнее письмо. Возвратившись домой из школы, Игорь каждый день, ещё не раздевшись, спрашивал у матери:

– Письмо пришло?

И каждый раз мать отрицательно качала головой:

– Только газета. Писем нет.

Что же могло случиться с товарищем Анисимовым? Неужели он погиб в бою? Где-то теперь Малыш? Игорь тревожился, он так ждал того времени, когда окончится война и когда Анисимов вместе с Малышом придет в гости.

Ребята написали два письма на фронт, а ответа всё не было. Они собрались после школы у Игоря, чтобы написать ещё письмо, на этот раз — командиру воинской части, где служил Анисимов.

И вдруг — стук в дверь. Ребята увлеклись и даже не подумали, что это мог быть почтальон, а это он именно и был.

Девушка с сумкой, туго набитой газетами и письмами, подошла к столу. Это предвещало что-то интересное. Обычно почтальон не заходил в квартиру, а опускал письма в ящик, висевший у входа.

Девушка раскрыла толстую разграфлённую книжку и сказала:

– Распишитесь.

Да, это было письмо, и не простое, а заказное. Не треугольник, а настоящий конверт.

Расписывался Игорь сам, потому что письмо было адресовано ему. Дрожа от волнения, он нерешительно взял карандаш. В самом деле, не так уж часто мальчикам приходится расписываться, да ещё в такой солидной книге. Игорь знал, что ребята невероятно завидуют такому неожиданному счастью.

Волнуясь, он написал фамилию криво, так, что буквы залезли в другую графу. Он даже испугался. Но девушка-почтальон улыбнулась, подала ему конверт и ушла.

Осторожно оборвав кромку конверта, Игорь вытащил листок бумаги и... фотографию.

Ребята только ахнули от восторга.

Какое это было великолепие! У заснеженной могучей ели стояла четвёрка собак, запряжённая в маленькую лодочку. Тут же стоял солдат, конечно, не кто иной, как Анисимов.

Игорь сразу узнал и Малыша. Вожак стоял смирно, повернув голову в сторону фотографа. Сейчас со снимка он спокойно и весело смотрел на ребят.

А потом ребята все вместе читали письмо.

«Дорогой Игорь, дорогие ребята, — писал Анисимов. — Посылаю вам фотокарточку. Я снят со своей упряжкой. Тут и ваш Малыш и с ним Снежок, Жук и Шарик. Я давно не писал, потому что с упряжкой ходил в тыл к немцам. А потом произошло большое несчастье — погибли Жук и Снежок. Шарик тяжело ранен. Малыш жив, ему только немного повредило ухо. Я тоже тогда был ранен и теперь лежу в госпитале. Когда поправлюсь — опять поеду на фронт, в свою часть. Опять с вашим Малышом будем спасать раненых. А вот когда кончится война, обязательно вместе с ним приедем к вам погостить. Спасибо за приглашение и ещё раз спасибо за Малыша. Он очень умный, послушный и трудолюбивый пёс.

До свиданья, дорогие ребята, жду вашего письма.

С фронтовым приветом *Ф. Анисимов*».

Ребята торжествовали. Весь вечер они рассматривали фотографию, перечитывали письмо и все вместе сочиняли ответ.

Глава четырнадцатая **До скорой встречи!**

Только через месяц встретились вожатый Анисимов и вожак знаменитой санитарной упряжки Малыш.

Встреча произошла в саду, у госпиталя, в маленьком городе, недавно освобождённом от немцев. Малыша привёл Ильинский.

Стояли последние дни апреля. Весна вела стремительное наступление. Река взломала лёд и с шумом свободно несла его мимо города. На необозримом чистом небе откуда-то появилось лёгкое, пуховое облачко. Оно плыло в одиночестве, медлительное и важное, как лебедь. Иногда над городом появлялись птицы. Они летели высоко-высоко, и их непрерывный дорожный разговор был чуть слышен.

Анисимов вышел, опираясь на костыль. Он огляделся и, увидев Ильинского, подпрыгивая, бросился к нему.

Малыш издали не сразу узнал вожатого. Синий халат, костыль — всё это было необычным. Но зато он узнал голос, когда Анисимов окликнул его.

Вожак сорвался с места и в два прыжка оказался рядом с вожатым.

Костыль упал. Анисимов наклонился и обнял своего преданного друга. Он долго гладил и ласкал собаку, а Малыш покорно сидел и повеселевшими глазами смотрел на вожатого. Иногда под шерстью вожака заметно пробегала дрожь — признак нетерпеливости. Казалось, вожак ожидал привычной команды «Малыш, вперёд!». И так как Анисимов молчал и, не переставая, поглаживал блестящую шерсть собаки, глаза Малыша выражали недоумение.

— Как он скучал по тебе! — сказал Ильинский. — Теперь нас переводят на другой участок. А работать ещё долго не придётся. Наверное, к тому времени и ты будешь с нами.

— Да, обязательно буду, — задумчиво ответил Анисимов.

Нужно было расставаться. Друзья молчали. Должно быть, они думали о своей любимой, но и опасной работе, о товарищах, продвигающихся на запад, о дружных упряжках четвероногих тружеников.

Рядом с госпиталем возвышался опутанный лесами большой дом. Шёл восстановительный ремонт. Слышались удары молотков о кирпич, шумно сыпался щебень. Прогудела перед воротами машина, нагруженная досками. Напевая песенку, торопливо прошёл стекольщик. Солнце метало свои отблески в щели его большого ящика.

Возрождалась жизнь полуразрушенного города.

— Пора, — сказал Ильинский, поднимаясь. — Поправляйся, будем ждать.

Они вместе вышли из садика.

— Да, — вспомнил Анисимов, — сдай это письмо на почту.

Он подал товарищу конверт, на котором после адреса было написано: «Тов. Игорю Жигалову».

— До свидания! Скоро увидимся.

— Скоро.

Анисимов погладил Малыша.

Но, когда он пошёл к подъезду госпиталя, Малыш бросился за ним.

— Назад! — крикнул Анисимов.

И кажется, в первый раз Малыш послушался своего вожатого. Он остановился, но не повернул назад. Глаза умоляюще смотрели на Анисимова, в них застыла настойчивая просьба оставить.

«Милый, хороший мой Малыш!» — Анисимов не выдержал и наклонился к собаке. Он захватил красивую собачью голову обеими руками

и долго смотрел в глаза животного, полные мольбы и преданности. Казалось, эти умные глаза говорили: «Ты забыл о тех временах, когда я честно работал. Поедем туда, я буду ещё больше работать. Снова выйдем на заснеженные поля, и пусть рвутся снаряды, воют мины, жужжат пули, — мы не оставим на поле ни одного раненого бойца».

– Нельзя, Малыш, нельзя, — тихо сказал Анисимов, словно угадывая просьбу вожака.

Подошёл Ильинский и взял Малыша за ошейник. Собака недовольно заворчала. Тогда Анисимов силой повернул Малыша от себя и дрогнувшим голосом сказал:

– Малыш, вперёд!

Опустив большую красивую голову, вожак нехотя потянулся за Ильинским. Анисимов долго смотрел им вслед и думал о том, что через месяц он снова вернётся на передовую и снова поведёт упряжку на спасение раненых. Как прежде, он проверит упряжь, обласкает собак и крикнет весёлым голосом своему любимцу, вожаку санитарной упряжки:

– Малыш, вперёд!